Экономика и политика

经济与政治

Economy and Politics

УДК 327

DOI: 10.17150/2587-7445.2021.5(3).160-167

**Концептуализация внешнеполитического курса Китая:
продукт амбиций или обстоятельств?** **А.Б. Ринчинов**

Байкальский государственный
университет,
г. Иркутск, Российская Федерация

Дата поступления:

06.09.2021

Дата принятия к печати:

29.11.2021

Дата онлайн-размещения:

29.12.2021

Аннотация. В ходе нарастания противоречий в американо-китайских отношениях, послуживших основной темой для глобальной внешнеполитической повестки 2010-х гг., всё более явно проступали контуры новой политики китайского МИДа. Традиционным в западной аналитике стал нарратив, описывающий эту политику как чётко продуманную схему, разработанную Пекином для перехвата глобального лидерства, связанную непосредственно с фигурой председателя КПК — Си Цзиньпина. Целью данной статьи является рассмотрение истоков и вех текущей китайской внешнеполитической доктрины. В ходе анализа автор приходит к выводу, что поведение КНР в международной политике является в большей степени реактивным. В периоды республиканских администраций в США именно Китай занимал позицию основного адвоката идеи «глобального мира» и был вынужден брать на себя принципиально новые международные обязательства.

Ключевые слова. Китай, стратегия, эволюция внешней политики, американо-китайские отношения, глобализм.

中国外交政策的概念话：政治野心还是政治环境的结果？**A.B. Rinchinov**

贝加尔国立大学，
伊尔库茨克市，俄罗斯联邦

结稿日期：2021年9月6日

出版日期：2021年11月29日

网上出版日期：2021年12月29日

摘要：中美关系为2010年代全球外交政策议程的主要题目。在中美矛盾日益加剧的过程中，中国外交部新政策的轮廓越来越清晰。西方分析将这一政策描述为北京为夺取全球领先地位而制定的与中共主席习近平直接相关的深思熟虑的计划。这篇文章的目的是中国外交政策学说的起源和里程碑。在分析过程中，作者得出的结论是中国在国际政治中的行为具有反应性。在美国共和政府时期内，正是中国担任了“全球和平”理念的主要倡导者，承担了全新的国际义务。

关键词：中国，战略，外交政策的演变，中美关系，全球主义。

Conceptualization of China's Foreign Policy: A Product of Ambition or Circumstances?

A.B. Rinchinov

Baikal State University,
Irkutsk, Russian Federation

Received: 2021 September 6

Accepted: 2021 November 29

Available online: 2021 December 29

Abstract. Amid the escalating disagreements in US-China relations, which became the main theme of the global foreign policy agenda in 2010s, the contours of the new policy of Chinese Foreign Ministry have been showing more and more clearly. Traditionally, the narrative of Western analysts has described this policy as a well-thought-out scheme designed by Beijing to take over the global leadership, linked directly to the figure of the Communist Party of China Chairman, Xi Jinping. The purpose of this article is to examine the origins and milestones of the current Chinese foreign policy doctrine. Having analyzed them, the author came to the conclusion that the PRC's behaviour in international politics is largely reactive. During the Republican administrations in the U.S. it was China that was the main advocate of the idea of «global peace» and was forced to undertake fundamentally new international commitments.

Keywords. China, strategy, foreign policy evolution, China – United States relations, globalism.

Занять лидирующие позиции в текущей мировой экономической системе Китай смог в результате «южного турне» (кит.: 南巡, палл.: нансюнь) Дэна Сяопина 1992 года, положив начало новому раунду внутренних рыночных реформ. В отличие от предыдущей волны, они уже учитывали изменившуюся мировую обстановку. Мир стал однополярным и в Китай за 1993 год поступило больше иностранных инвестиций чем за все предыдущие годы «реформ и открытости» вместе взятые. Эти инвестиции сыграли колоссальную роль, за последующие пять лет объём китайского экспорта удвоился [1, с. 1065–1066]. Именно тогда американские исследователи [2] усмотрели в Китае и будущего конкурента, если не в мировом масштабе, то способного потеснить США в азиатско-тихоокеанском регионе. Однако стоит заметить, что тема опасений потери регионального лидерства была актуальна исключительно для США и их союзников в Тихом океане. Тем временем в Европе, логика неолиберальной экономики органично толкала местных инвесторов лишь наращивать объёмы вкладов в китайскую экономику. Своеобразной «лебединой песней» подобной тенденции была политика «нового золотого века», объявленного правительством Кэмерона в отношении Китая. На тот период времени правительства Великобритании и стран ЕС видели в Китае возможность восстановить собственные потери, понесенные на фоне международного финансового кризиса 2008 года.

Так, благодаря дальновидному курсу, заложенному Дэн Сяопином с 1992 по 2011 год доля Китая в мировой торговле увеличилась с 0,02% до 10% [3, с. 110–111]. Подобные изменения не могли быть проигнорированы аналитиками внутри и вовне Китая. Возникла дискуссия о том, что по факту становясь ведущей экономической державой, Китай преуменьшает собственную значимость, предпочитая абстрагироваться от участия в международных инициативах и организациях.

В качестве своеобразного поворотного момента в отношениях с ЕС исследователи выделяют 2012 год и создание нового формата «16+1», когда страны Восточной Европы получили возможность политико-экономического взаимодействия с Китаем фактически напрямую [4]. Брюссель подобная перспектива явно не устраивала. Созданная, как считается, во многом усилиями китайской стороны платформа подчёркивала регионализацию ЕС и затрудняла выступление стран-членов «единым фронтом», кроме того — экономический потенциал европейских участников формата явно уступал таковому Китая, что создавало динамику «обратных инвестиций» Китая в ЕС. Начиная с этого момента в среде европейских политиков проявляется недоверие и алармизм [5, с. 118], которые лишь усугубляются на фоне анонсов новых китайских инфраструктурных мегапроектов, втягивающих в его орбиту все больше стран и покупок «высокотехнологичных» активов корпораций ЕС в 2015–2016 гг. Таким образом, уход западно-

европейского дискурса в ранее практиковавшуюся лишь соседями Китая по Тихому океану область был скорее закономерностью, нежели неожиданностью. В данном случае новый этап «похолодания» отношений на фоне протестов в Сянгане скорее стал очередным, нежели какой-то «поворотной точкой».

Множество аналитиков склонны связывать наиболее радикальные преобразования во внешней и внутренней политике Китая с курсом нового поколения китайских руководителей под председательством Си Цзиньпина, однако так ли это на самом деле? Продиктован ли курс личными инициативами председателя или же он вытекал из самой логики развития Китая и динамики глобального политического климата?

Свою практику критики китайских вложений европейские правительства, как правило, заимствуют из риторики Австралии и Новой Зеландии [6], которые являясь соседями Китая по АТР, одновременно с этим, являются также носителями условно-европейской политической идентичности. Одной из таких практик, например, является критика китайского правительства за использование «долговых ловушек» при построении экономических отношений с развивающимися странами, что не мешает странам ЕС игнорировать неокOLONIALную политику Франции в «зоне Франка КФА» или действия Германии по отношению к Греции и некоторым другим странам Восточной Европы. Действия стран условного Запада, как правило, упускаются аналитиками на основании сложившегося в последние десятилетия XX века статуса-кво. Действиям же Китая, как нарушающим этот статус, наоборот, придаётся чрезмерное внимание. Даже не смотря на тот факт, если допустить существование «неолиберального консенсуса» в глобальной политике, что действия администрации Дональда Трампа (2018–2021 гг.) нанесли по глобалистской модели гораздо больше ударов, нежели правительство КНР. Наоборот, в эпоху отхода США от негласных обязательств по охране стабильности мировых рынков, выхода из региональных и глобальных международных структур и организаций, введения политики протекционизма и т.д. именно Китай выступил главным адвокатом «старого порядка» прекрасно осознавая, что в условиях равных возможностей, преимущества имеет тот, у кого больше начальный потенциал. При этом, следует сказать, что Китай не был готов к этому вызову. Аналитики считают, что первые сигналы о возможном «смене лидера» в неолиберальной модели мирового

развития наметились ещё в эпоху администрации Буша мл. (2002–2009 гг.). Тогда в пик Со-единенным Штатам ставилось нарушение стабильности в регионах земного шара и создание коалиций для ведения наступательных боевых действий [7, с. 320]. По мнению китайских аналитиков именно периоды республиканских администраций в США стали для Китая настоящими «периодами возможностей» позволившими сперва продемонстрировать Китай как «тихую гавань» способную надёжно защищать инвестиции, а затем — уже полноценно выступить главным адвокатом сложившейся мир-системы, правда со сменившимся лидером [8]. В обоих случаях, определяющую роль сыграл международный финансовый кризис 2008 года. Именно он позволил Китаю принципиально изменить собственное иерархическое положение в отношениях со странами АТР и ЕС. Успехи Китая в преодолении кризиса подтвердили эффективность его экономической и политической системы [9]. Ключевой вывод, который необходимо вывести из вышеописанного заключается в том, что для полноценного анализа процесса смены лидера мир-системы необходимо оценивать не только действия и успехи лидера, но и ошибки, допущенные сторонниками статуса-кво. Порой действия исключительно политического характера актуальные для внутренней политики «стран центра» создавали своеобразный вакуум в международных структурах и организациях, который не мог быть не заполнен конкурентами.

Си Цзиньпин же не появился из ниоткуда, он был чиновником высокого ранга в период правления Ху Цзиньтао, являясь главным претендентом на пост председателя после его ухода начиная с XVII съезда КПК (2007 г.). В то же время, концепция наступившего «периода стратегических возможностей» (кит.: 战略机遇期, палл.: чжаньлюэ цзюй ци) в противовес Дэну Сяопиновской концепции «держаться в тени и не высовываться» (кит.: 韬光养晦, палл.: таогуан янхуэй) становится актуальной для китайского внешнеполитического ведомства ещё в период председательства Цзянь Цзэминя [10, с. 4].

Стремление исключить негативное влияние со стороны США и других иностранных держав по мере роста экономики страны подтолкнуло китайское руководство к расширению своего участия в поддержании существующего международного порядка. В 1997 году на XV съезде КПК Цзянь Цзэминь обозначил основные постулаты современной внешней политики КНР,

отметив в числе угроз несправедливый и нерациональный международный экономический порядок, а также локальные конфликты, вспыхивающие в регионе из-за этнических, религиозных и территориальных факторов. Китайские эксперты подчеркивают, что страны Восточной Азии «не желают увязывать свою безопасность и судьбу со страной, которая привержена гегемонистской силовой политике и утверждает себя в качестве мирового жандарма». Китай выступил не просто против «гегемонии», а против регионального присутствия США в принципе, обозначив тем самым один из основных аспектов, направляющих региональные векторы своей внешней политики [11, с. 120].

Позднее, при Ху Цзиньтао концептуализация китайской внешней политики произошла под (пускай и короткоживущим) лозунгом «мирного усиления и возвышения». На том же XVII съезде Ху Цзиньтао, которому в отличие от Си Цзиньпина международные аналитики предпочитают создавать образ «технического» председателя без амбиций, впервые вслух объявил о важности и необходимости использования «мягкой силы» (кит.: 软实力, палл.: жуаньшили) для продвижения собственных инициатив в рамках политики «мирного усиления и возвышения» (кит.: 和平崛起, палл.: хэпин цзюэци). Сам по себе этот лозунг стал для критиков китайской модели настоящим подарком, негативной коннотации «превосходства» избежать не удалось, поэтому всего через несколько лет все тезисы «мирного возвышения» были объединены под заголовком идеи «гармоничного мира» (кит.: 和谐世界, палл.: хэсе шицзе). Сама же концепция «мягкой силы» и возможности её применения в китайской внешней политике тоже не возникла из ниоткуда, а активно обсуждалась в академических кругах начиная с 1993 года [12, с. 103]. Выход на глобальный уровень и более активные действия во внешней политике и международных организациях также были прописаны в XII пятилетнем плане, принятом в 2011 году [13, с. 15].

Таким образом, можно сказать, что современный внешнеполитический курс Китая является логическим продолжением и развитием программы, принятой ещё до прихода к власти нынешнего поколения руководителей. Однако невозможно не отметить многократно усилившуюся внешнеполитическую активность Китая в течение последних пяти лет. В этом плане, китайские исследователи выделяют работу Центральной конференции по международным отношениям, состоявшейся при участии Си Цзиньпина

в ноябре 2014 года [14, с. 17–18]. Именно там была концептуализирована новая роль Китая как лидера-реформатора системы глобального управления. При этом, примечательно то, что промежуточные итоги этой роли были подведены уже на XIX съезде КПК (октябрь 2017 г., т.е. за месяц до победы Трампа на выборах) когда Си Цзиньпин заявил, что Китай «находится ближе к центру мировой арены» чем когда бы то ни было, «поддерживая эволюцию системы глобального управления» [15].

Иронично, что в период правления Трампа, особенно в случае очередной фазы обострения кризиса на Корейском полуострове, со стороны американской администрации Китай подвергался критике за то, что вёл себя «недостаточно активно для сверхдержавы». Однако в иных ситуациях наоборот критиковался за то, что действовал активно, даже в случаях, когда эта «активность» заключалась в поддержке работы международных организаций.

Инициатива «Один пояс — один путь» (ОПОП) официально анонсирована в 2013 году, однако включает в себя и ранее созданную инфраструктуру уже прочно ассоциируется с внешнеполитическим курсом Си Цзиньпина. Китай является далеко не первым государством использующем предоставление инфраструктуры и общественных благ для достижения геополитических целей. Однако при изучении аналитики посвященной ОПОП наблюдается явная поляризация мнений о проекте, делящая страны-источники этой аналитики на участвующих в проекте и отказавшихся от участия/не участвующих. По сути, если в случае с критикой влияния Соединённых Штатов и «неолиберального консенсуса» в глобальной политике — страны оказывались на прокитайской стороне смены лидера в мир-системе даже не осознавая этого, то в случае с прямыми инвестициями Китая наблюдается обратный эффект. Критики проекта [16] склонны воспринимать любые действия Китая с подозрением, просто исходя из факта источника происхождения инициативы.

Несмотря на то, что ОПОП содержит в себе конкретные взаимосвязанные инициативы, он действительно является важным международным брендом Китая. По сути, Китай мог бы вести аналогичную внешнюю политику и инвестирование в развивающиеся рынки, вообще не упоминая эту инициативу. Более того, по мере того как инициатива ОПОП охватывает уже большую часть Азии и Африки, с отдельными стратегиями и акцентами в каждом отдельно взятом регионе

(например, в России проект официально сопряжен с ЕАЭС), становится все более проблематично выдерживать единую стилистику. Вероятно дело обстоит таким образом, что проект ОПОП стал важной частью внутригосударственного дискурса, своеобразным материальным символом воплощения «общества одной судьбы» (кит.: 人类命运共同体, палл.: жэньлэй минъюнь гунтунти), призванным вернуть Китаю его статус мирового лидера [17], который он фактически занимал вплоть до XVII века. Коммунистическая партия закономерно использует реваншистские мотивы восстановления исторической справедливости после «века унижения» (1839–1949 гг.), в контексте которых, именно их умелая политика позволила преодолеть нищету и несправедливость и вывела Китай на лидирующие позиции [18, с. 261–262]. В этой связи даже небольшие издержки, на которые натывается проект ОПОП остаются полностью оправданными, так как успехи проекта предоставляют и внутривнутриполитические дивиденды.

В то же время, нельзя полностью абстрагироваться и от вклада Си Цзиньпина в китайскую дипломатию. Так в июне 2018 года на рабочей конференции МИДа «Мысль Си Цзиньпина о дипломатии социализма с китайской спецификой в новую эпоху» была принята в качестве основного ориентира китайской внешней политики. Критически важным в этом, казалось бы, программном событии является тот факт, что принятая концепция была обозначена как «мысль», что автоматически возвышает её над всеми предыдущими нормативными документами выводя на уровень идеологии [19]. Ранее, в публичных выступлениях Си Цзиньпин постоянно подчеркивал важность соблюдения принципа суверенитета в международных отношениях, проводя преемственность их основных принципов с эпохи Вестфальской системы [20]. Не в последнюю очередь за счет именно вклада подобного характера его считают создателем институционального механизма, образа мышления, выстраивающего в единую систему внутреннюю и внешнюю политику государства. Именно подобный подход позволяет Китаю проводить полноценно свою стратегию способами, которые ранее представляли из себя, в силу специфики условий их развития, многомерную фрагментированную структуру. По мнению исследователей, проведенные по инициативе нового поколения руководителей, реформы позволили наладить контроль и координацию в наиболее критичных областях. Это коснулось не только внешней, но и внутренней

политики, где ключевым лозунгом стала кумулятивная идея «китайской мечты» о национальном возрождении.

Фраза о «возрождении» буквально заимствована из китайской классической традиции, констатирующей международный статус Китая как самого развитого государства в начале правления династии Тан (627–649 гг.). Определяя национальное возрождение как цель политического курса, китайское руководство, неизбежно вступит в конфликт с США, претендующими на роль единственной сверхдержавы. Для поддержания статуса, в периоды администраций Обамы и Байдена, США стремятся расширить союзнические отношения в рамках своих старых связей (Япония, Республика Корея) и приобретая новых (Вьетнам) союзников в Азии. Китай справедливо видит в данной тенденции угрозу своим границам и выстраивает собственную дипломатию зеркальным образом, пытаясь параллельно централизовать собственную архаичную систему контроля. Подобная традиционная политика великих держав описана в трактатах «Гуань-цзы», относящихся ещё к периоду Весны и Осени (722–481 гг. до н.э.), где говорилось, что княжество сможет стать гегемоном, когда приобретет друзей в половине стран, с которыми поддерживает торговые отношения [3, с. 113].

И даже не смотря на попытки централизации, современную тактику международного взаимодействия Китая можно характеризовать в первую очередь её ограниченной автономией и плюрализмом [21, с. 68]. Существуют определенные «общие направления» в дискуссии, однако вопрос интерпретации оставляет большое пространство для обсуждений. В этом плане, особенно характерными выглядят отдельные заявления китайских официальных лиц, которые периодически могут позволить себе полемизировать друг с другом в рамках единой смысловой канвы. По сути, государственно-партийный аппарат позволяет себе вмешаться лишь когда автономные действия начинают создавать проблемы. В экономике отличным примером такого подхода служат новые меры по контролю за выводом инвестиций принятые в 2017 году. После трёх лет неконтролируемого роста, государство ограничило сектора для инвестиций и призвало согласовывать подобные действия впредь. Подобные меры ожидаемо навалились на шквал критики зарубежных либеральных экономистов, однако причина, по мнению некоторых исследователей, была более чем банальной: китайские

компаниям в борьбе на внешних рынках столкнулись в жёсткой конкуренции сами с собой.

Таким образом, ограниченная автономия лишь задаёт общее примерное направление деятельности, не регулируя при этом детали и средства. Из этого можно сделать вывод, что далеко не все решения китайских компаний занятых в секторе международных инвестиций и даже отдельных государственных ведомств КНР рассматриваются и обсуждаются на самом высоком уровне. Например, ряд конкретных инициатив в рамках ОПОП привёл к банкротствам китайских партнёров. Чаще всего подобный исход в западной аналитике связывают с чётко продуманной системой, являющейся полноценной стратегией в китайском арсенале. Как правило, в качестве примера приводится ситуация, сложившаяся вокруг портового терминала в Шри-Ланкийской Хамбантоте. Начиная с 2017 года терминал действительно из совместной собственности перешёл в эксплуатацию китайской компании, однако именно китайские инвесторы ещё с 2009 года (то есть задолго до анонса инициативы ОПОП) покрыли затраты на строительство порта. На сегодняшний день невозможно предоставить ни одного фактического доказательства намеренных действий китайских инвесторов по финансированию заведомо убыточных проектов с целью их дальнейшего перехода в собственность китайских владельцев. Причиной таких случаев, как правило, наоборот становится оппортунизм и низкая культура планирования, выявленная в инвестиционных

практиках китайских корпораций [22, с. 13]. В исключительных случаях привязка уже состоявшегося инвестиционного проекта к бренду ОПОП действует как запрос бизнесменов на предоставление стабильности и гарантий от китайского государства.

Резюмируя, можно лишь ещё раз подчеркнуть, что научная специфика международных отношений глубока и разнообразна. Ни одно государство в мире не располагает полной вертикально интегрированной системой директивного исполнения указаний, объединённых в рамках некоего подробно проработанного плана. Многообразие акторов, задействованных на стыке внешней политики и экономики государства, оставляет возможности для ошибок, просчетов и неожиданных последствий. Внешняя политика Китая с трудом пытается направлять переизбыток исходящих из него инвестиций в конструктивное русло, способное как обезопасить инвесторов, так и выполнять заданные в рамках программы развития цели. Поведение китайского руководства, по своей сути, лишь подстраивается под положение дел в глобальной экономике и политике всегда при этом выступая максимально прагматично и предсказуемо. Несмотря на конкретные достижения в области централизации и концептуализации внешней политики, «мысль Си Цзиньпина», как и в случае с «Китайской Мечтой» для внутренней политики, скорее является компиляцией опыта и практики в том или ином виде уже существовавших ранее в китайском политическом поле.

Список использованной литературы

1. Lardy N. The Role of Foreign Trade and Investment in China's Economic Transformation / N. Lardy // The China Quarterly. — 1995. — No. 144. — P. 1065–1082.
2. Roy D. Hegemon on the horizon? China's threat to East Asian security / D. Roy // International Security. — 1994. — Vol. 19, no. 1. — P. 149–168.
3. Гордон А.В. Внешняя политика Китая от Дэна Сяопина к Си Цзиньпину: смена курса / А.В. Гордон // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 9: Востоковедение и африканистика. Реферативный журнал. — 2017. — № 3. — С. 105–129.
4. Van der Putten F. Europe and China's New Silk Roads : ETNC Report. 2016 / F. van der Putten, J. Seaman, M. Huotari. — URL: https://espas.secure.europarl.europa.eu/orbis/sites/default/files/generated/document/en/Europe_and_Chinas_New_Silk_Roads_0.pdf.
5. Пономарева Е.Г. Балканское дыхание Пекина: стратегия и тактика китайского присутствия в странах западных Балкан / Е.Г. Пономарева, Д.Д. Крыканов // Политика. Анализ. Хроника. Прогноз. Журнал политической философии и социологии политики. — 2020. — № 1 (96). — С. 117–137.
6. Brady A. Magic Weapons: China's Political Influence Activities under Xi Jinping / A. Brady. — Washington : Wilson Center, 2017. — 57 p.
7. Zhang F. Rethinking China's grand strategy: Beijing's evolving national interests and strategic ideas in the reform era / F. Zhang // International Politics. — 2012. — No. 49 (3). — P. 318–345.
8. Xu J. Rethinking China's period of strategic opportunity / J. Xu // China International Studies. — 2014. — Iss. 2. — P. 51–70.
9. 俞正樑. 关于中国大战略的思考 // 毛泽东邓小平理论研究. 2012. URL: <http://niis.cssn.cn/webpic/web/niis/upload/2012/11/d20121130233047067.pdf>. [Юй Ч. Мысли о великой стратегии

Китай / Ч. Юй // Исследования теории Мао Цзэдуна-Дэн Сяопина. — 2012. — URL: <http://niis.cssn.cn/webpic/web/niis/upload/2012/11/d20121130233047067.pdf>].

10. Zheng Y. Harmonious Society and Harmonious World: China's policy discourse under Hu Jintao / Y. Zheng. — China Policy Institute, 2007. — Iss. 26. — 12 p.

11. Голобоков А.С. Становление и развитие внешнеполитической доктрины Китая / А.С. Голобоков // Ойкумена. Регионоведческие исследования. — 2010. — № 3 (14). — С. 117–124.

12. Shambaugh D. China's soft power push: The search for respect / D. Shambaugh // Foreign Affairs. — 2015. — No. 94 (4). — P. 99–107.

13. Johnston A. How new and assertive is China's new assertiveness? / A. Johnston // International Security. — 2013. — No. 37 (4). — P. 7–48.

14. 阮宗泽. 构建新型国际关系：超越历史赢得未来 // 国际问题研究. — 2015. — 年第 2. — 页 16–30. [Жуань Ц. Построение международных отношений нового типа: перешагнуть через историю во имя будущего / Ц. Жуань // Двухмесячник Шанхайской академии международных исследований. — 2015. — № 2. — С. 16–30.].

15. Xi J. Secure a Decisive Victory in Building a Moderately Prosperous Society in All Respects and Strive for the Great Success of Socialism with Chinese Characteristics for a New Era / J. Xi // 19th National Congress of the Communist Party of China October 18, 2017. — URL: http://www.xinhuanet.com/english/download/Xi_Jinping's_report_at_19th_CPC_National_Congress.pdf.

16. Turner O. Threatening China and US security: The international politics of identity / O. Turner // Review of International Studies. — 2013. — no. 39 (4). — P. 903–924.

17. 曹志建. 人类命运共同体视角下的全球人权治理：人类命运共同体所面临的人权挑战 // 人权. — 2017. — 年第 2. — 页 40–47. — URL: http://www.humanrights.cn/html/2017/zxyq_0711/30128.html. [Цао Ч. Понятие прав человека с точки зрения общества одной судьбы: проблемы прав человека, с которыми столкнётся общество одной судьбы / Ч. Цао // Права человека. — 2017. — № 2. — С. 40–47.].

18. Edney K. Building national cohesion and domestic legitimacy: A regime security approach to soft power in China / K. Edney // Politics. — 2015. — No. 35 (3). — P. 259–272.

19. Yang J. Working Together to Build a World of Lasting Peace and Universal Security and a Community with a Shared Future for Mankind / J. Yang // Seventh World Peace Forum Tsinghua University, 14 July 2018. — URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/wjdt_665385/zyjh_665391/201807/t20180714_678683.html.

20. Xi J. Work Together to Build a Community of Shared Future for Mankind / J. Xi. — Geneva, 2017. — URL: <https://www.mfa.gov.cn/ce/ceiq//eng/zygx/t1432869.htm>.

21. Breslin S. China Risen? Studying Chinese Global Power / S. Breslin. — Bristol : Bristol Univ. Press, 2021. — 316 p.

22. Brautigam D. A critical look at Chinese «Debt-Trap Diplomacy» / D. Brautigam // Area Development and Policy. — 2019. — No. 5 (3). — P. 1–14.

References

1. Lardy N. The Role of Foreign Trade and Investment in China's Economic Transformation. *The China Quarterly*, 1995, no. 144, pp. 1065–1082.

2. Roy D. Hegemon on the horizon? China's threat to East Asian security. *International Security*, 1994, vol. 19, no. 1, pp. 149–168.

3. Gordon A.V. China's Foreign policy from Deng Xiaoping to Xi Jinping: a change of course. *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 9: Vostokovedenie i afrikanistika. Referativnyi zhurnal = Social Sciences and Humanities. Domestic and Foreign Literature. Series 9: Oriental and African Studies*, 2017, no. 3, pp. 105–129. (In Russian).

4. Van der Putten F., Seaman J., Huotari M. *Europe and China's New Silk Roads: ETNC Report*. 2016. Available at: https://espas.secure.europarl.europa.eu/orbis/sites/default/files/generated/document/en/Europe_and_Chinas_New_Silk_Roads_O.pdf.

5. Ponomareva E.G., Krykanov D.D. Balkan breath of Beijing (strategy and tactics of chinese presence in the western Balkans). *Politiya. Analiz. Khronika. Prognoz. Zhurnal politicheskoi filosofii i sotsiologii politiki = The journal of political theory, political philosophy and sociology of politics politicia*, 2020, no. 1, pp. 117–137. (In Russian).

6. Brady A. *Magic Weapons: China's Political Influence Activities under Xi Jinping*. Washington, Wilson Center, 2017. 57 p.

7. Zhang F. Rethinking China's grand strategy: Beijing's evolving national interests and strategic ideas in the reform era. *International Politics*, 2012, no. 49, pp. 318–345.

8. Xu J. Rethinking China's period of strategic opportunity. *China International Studies*, 2014, iss. 2, pp. 51–70.

9. Yui Ch. Thoughts on China's strategic development. *Studies of the theory of Mao Zedong and Deng Xiaoping*, 2012. Available at: <http://niis.cssn.cn/webpic/web/niis/upload/2012/11/d20121130233047067.pdf>. (In Chinese).
10. Zheng Y. *Harmonious Society and Harmonious World: China's policy discourse under Hu Jintao*. China Policy Institute, 2007, iss. 26. 12 p.
11. Golobokov A.S. Chinese's foreign-policy doctrine foundation and development. *Oikumena. Regionovedcheskie issledovaniya = Ojkumena. Regional researches*, 2010, no. 3, pp. 117–124. (In Russian).
12. Shambaugh D. China's soft power push: The search for respect. *Foreign Affairs*, 2015, no. 94, pp. 99–107.
13. Johnston A. How new and assertive is China's new assertiveness? *International Security*, 2013, no. 37, pp. 7–48.
14. Zhuan' Ts. How new and assertive is China's new assertiveness?. *International Security*, 2015, no. 2, pp. 16–30. (In Chinese).
15. Xi J. Secure a Decisive Victory in Building a Moderately Prosperous Society in All Respects and Strive for the Great Success of Socialism with Chinese Characteristics for a New Era. *19th National Congress of the Communist Party of China October 18, 2017*. Available at: http://www.xinhuanet.com/english/download/Xi_Jinping's_report_at_19th_CPC_National_Congress.pdf.
16. Turner O. Threatening China and US security: The international politics of identity. *Review of International Studies*, 2013, no. 39, pp. 903–924.
17. Tsao Ch. Global human rights management from the point of view of the Community of the Common Destiny of Mankind: human rights problems faced by the community of the common destiny of mankind. *Human Rights*, 2017, no. 2, pp. 40–17. Available at: http://www.humanrights.cn/html/2017/zxyq_0711/30128.html. (In Chinese).
18. Edney K. Building national cohesion and domestic legitimacy: A regime security approach to soft power in China. *Politics*, 2015, no. 35, pp. 259–272.
19. Yang J. Working Together to Build a World of Lasting Peace and Universal Security and a Community with a Shared Future for Mankind. *Seventh World Peace Forum Tsinghua University, 14 July 2018*. Available at: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/wjdt_665385/zyjh_665391/201807/t20180714_678683.html.
20. Xi J. Work Together to Build a Community of Shared Future for Mankind. Geneva, 2017. Available at: <https://www.mfa.gov.cn/ce/ceiq//eng/zygx/t1432869.htm>.
21. Breslin S. *China Risen? Studying Chinese Global Power*. Bristol, Bristol University Press, 2021. 316 p.
22. Brautigam D. A critical look at Chinese «Debt-Trap Diplomacy». *Area Development and Policy*, 2019, no. 5, pp. 1–14.

Информация об авторе

Ринчинов Артём Бэликтиевич — аспирант, кафедра международных отношений и таможенного дела, Институт мировой экономики и международных отношений, Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация, e-mail: hongweibing49@gmail.com.

作者信息

Artyom B. Rinchinov — 全球经济与国际关系学院，国际关系与海关教研室的研究生，贝加尔国立大学，伊尔库茨克市，俄罗斯联邦，邮箱: hongweibing49@gmail.com.

Author

Artyom B. Rinchinov — PhD Student, Department of International Relations and Customs Affairs, Institute of World Economy and International Relations, Baikal State University, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: hongweibing49@gmail.com.

Для цитирования

Ринчинов А.Б. Концептуализация внешнеполитического курса Китая: продукт амбиций или обстоятельств? / А.Б. Ринчинов. — DOI 10.17150/2587-7445.2021.5(3).160-167 // Российско-китайские исследования. — 2021. — Т. 5, № 3. — С. 160–167.

For Citation

Rinchinov A.B. Conceptualization of China's Foreign Policy: A Product of Ambition or Circumstances? *Rossiisko-Kitaiskie Issledovaniya = Russian and Chinese Studies*, 2021, vol. 5, no. 3, pp. 160–167. (In Russian). DOI: 10.17150/2587-7445.2021.5(3).160-167.